

.....
Алексей Александрович Малышев ничем не схож с теми людьми своего возраста, чье времяпрепровождение посвящено главным образом «забиванию козла» фигурами домино. Накануне своего 60-летия он блестяще защитил в Ленинградском институте растениеводства докторскую диссертацию. Ее тема отнюдь не кабинетная — «Продвижение сельскохозяйственных культур во влажные высокогорья Кавказа и Алтая». А едва перешагнув за пенсионный рубеж, он был принят в члены Союза писателей СССР. А. А. Малышев много лет возглавляет отряд ученых Тебердинского госзаповедника. Как писатель он удачно дебютировал повестью «Золотое озеро» в 1952 году, вскоре переведенной на польский язык и изданной в Варшаве. После вышло в свет еще полдесятка книг, из них повесть «Тропой романтики» в 1967 году. Сейчас неутомимый искатель и природолюб с увлечением трудится над романом «На Мане-реке». Это книга о людях романтического характера, возвышенных идей, открывателях и созидателях, навечно влюбленных в дорогие сердцу края.

На страницах нашего альманаха читатель может познакомиться с фрагментами из этого романа Малышева.

Мы, его коллеги, можем пожелать ему от своего лица и от лица его читателей долгих лет жизни и плодотворного труда в науке и литературе.

Алексей Малышев

ФРОСИНА ЛЮБОВЬ

Уважаемые пользователи!

Обращаем ваше внимание на отсутствие с. 23-26, где опубликована первая глава из романа **«На Мане-реке»** Алексея Малышева. К нашему огромному сожалению, эти страницы безвозвратно утеряны.

Ходовая на Мане приближалась с каждым днем. Юрий Юрьевич до ее прихода спешил закончить взятие на реке

разных своих проб и образцов.

Фрося ожидала ходовую с нескрываемым нетерпением, она оживленно

расспрашивала о ней всех проплывающих мимо кордона. Она, конечно, не догадывалась, что мне известно, зачем ей так нужна ходовая. Однако теперь я стал замечать и другое: нередко Фрося задумывалась, а временами ходила с заплаканными глазами. Уйти совсем из дома до его приезда не удавалось, и, должно быть, ее охватывала тревога перед неизбежным объяснением с мужем.

Однажды в пасмурный день, когда темные тучи медленно двигались с Енисея, чуть ли не задевая вершины деревьев, а Мана хмурилась, угрюмо поигрывая беляками, на попутной моторке приехал Василий.

Фрося, увидев его в окно, схватилась рукою за грудь, бессильно опустилась на скамью.

Василий был мрачен. С берега он шел медленно, вразвалку, перекинув за плечо рюкзак, не поднимая опущенной головы.

Ночка, радостно лая, бросилась ему навстречу. Василий раздраженно двинул ее сапогом, собака с визгом отлетела далеко в сторону.

На крыльцо с криком выбежала Надюшка, обхватила колени отца руками. Он поднял ее, поцеловал, внимательно осмотрел и, ничего не сказав, погладил по голове, опустил на пол. Толкнув дверь, вошел в дом.

— Здравствуйте вам...— угрюмо поздоровался он, ни на кого не глядя.

Кроме Фроси в кухне были Инна Алексеевна и я. Фрося, побледнев, стояла у стола, испуганно смотрела на мужа.

Инна Алексеевна произнесла какую-то любезность, но Василий ей не ответил, и она, поняв, что здесь лишняя, поспешила уйти в горницу.

Я тоже встал с места, но Василий сделал мне знак рукой и, пристально посмотрев на жену, сердито бросил:

— Фроська, выдь сей минут! Авы, Антон Николаич, обождите малость. Дело к вам есть.

Фрося вспыхнула и выскочила за дверь.

— Гм.. значит, так...— Василий провел рукой по небритому подбородку,

откашлялся, дрожащею рукою полез в карман за пачкой сигарет.

Я видел, ему трудно было начать разговор.

— Лежу, значит, я в больнице, Антон Николаич, — справился, на конец, он с собой, продолжая хриплым голосом,— лежу и только мечтаю, как бы домой попасть. Вроде уже здоров, а врач все — рано да рано. Тут вдруг письмо. От Федьки Зайцева. Ну, я рад и Федькиному письму. Фроська-то забыла, единожды только писала. Прочел я его письмо — индо сердце захолонуло! Вот прошу, посмотрите, правда, что ли? Ведь известный хлопуща он. Может, брешет, а?

Он поднял на меня глаза,— в них проглянула тайная надежда,— и протянул письмо.

На листке в клеточку, вырванном из ученической тетради, крупным корявым почерком было написано:

«Василий! С горячим приветом твой сосед Федор со всей своею семьей. Должен я тебя секретно предупредить. Беда в твоём доме, Василий. Потому што Фроська твоя спуталась с пикетчиком Степкой. Поспешай домой — не дай им голубиться. Соромную жизнь с энтим хахалем повела Фроська. Вконец с панталыку сшиблась. А нащёт свово обхода нисколь не бойся. Смотрю за ним, как за собственной фатерой. Еще раз с приветом от себя лично и от Аниски.

Зайцев Федор Терентьевич».

Собираясь с мыслями, я перечитал еще раз.

— Не лукавь, Антон Николаич, прошу тебя...— тихо проговорил Василий, испытующе глядя мне в лицо.

У меня перехватило в горле.

— Не знаю, Василий, ничего знаю,— сказал я через силу, чувствуя, что лицо мое заливают краска.— Зайцев сюда почти не заглядывал. Откуда он мог взять такое?

— Ну, что ж... — недоверчиво произнес он, вздыхая,— и на то спасибо. Только дыма без огня н бывает.

Я вышел на крыльцо. Фрося стояла, прислонившись головою столбу. Она быстро оглянулась и молча посмотрела на

меня с тревожным вопросом в глазах.

— Спрашивал он...— тихо сказал я, проходя мимо, — да какое мне дело? Ничего не хочу знать...

Тайга зловеще гудела, от реки тянуло холодом, и волны беспокойно плескались о берег...

ДНИ ОСЕННИЕ

Горная тайга расцветилась оранжевыми и пурпурными красками. Запылали пламенем черемушки и осинки, вплели в свои кроны первые желтые пряди березки. Под ногами зашелестели сухие листья. Возле трухлявых пней внезапно и дружно поднялись кучки опят. В лесу стало светлее и словно тише. Изредка падающие, будто плывущие по воздуху, листья навевали грусть.

И только в темно-зеленых кедрачах, где созрели, наконец, долгожданные орехи, стало, напротив, оживленно и шумно. Днем и ночью здесь трудились звери и птицы: они лужкали, щелкали, грызли, перетаскивали, заготавливали впрок свой таежный хлеб.

Василий часто уходил в верховья ключей, в рассохи, в кедрачи, где он надеялся встретить Громилу. С Большого Индея медведь успел опять куда-то перекочевать, следы его затерялись. Лесник был теперь постоянно мрачен и, наверное, полон чувства мести. Но, мне казалось, мести не только к давно отыскиваемому медведю. Когда он шел проверять, не стоят ли браконьерские петли на солонце, я с беспокойством ждал его возвращения. И, может быть, Василий, отправляясь в тайгу, искал встреч с браконьером,— а им мог быть скорее всего Степан, — не меньше, чем встреча с медведем.

Фрося после приезда мужа стала совсем другой, чем была раньше. Куда делись ее жизнерадостность и веселый смех! Фрося осунулась, похудела, румянец на щеках потускнел, она сделалась скучной, неразговорчивой. И только изредка, и если уходил муж в тайгу, а Фрося куда-то исчезала часа на два, я замечал — возвращалась она с блестящим глазами, и на губах ее чуть проглядывала

странная усмешка.

Я не слышал какой-либо крупной ссоры между ними, но Василий был груб с нею, это ощущалось почти в каждом его слове и поступке. Наверное, у них все-таки состоялось объяснение, что изменило оно в жизни Фроси — я не знал.

Фрося ждала ходовую, после которой сможет взять расчет Степан. А что ожидал Василий? Не собрался ли он подследить Фросю, чтобы окончательно увериться в ее измене?

Что-то и мне стало трудно здесь жить. Наверное, потому, что я слишком часто задумывался над судьбой этих людей, которые неумолимо шли к какой-то печальной развязке.

Прозрачные солнечные дни золотой осени время от времени сменялись морозящими затяжными дождями. Тайга плотно забивалась туманом, словно ватой. Его молочно-белое покрывало ложилось на Ману с вечера даже в ясную погоду.

Василий в туман сидел дома и тяжелым взглядом, исподлобья, следил за работающей в кухне Фросей. Не находя себе места, она иногда выскакивала из дома, возвращаясь потом с заплаканными глазами.

Мы с Юрием Юрьевичем обрабатывали полевые материалы. Он вынимал из своей «чешуйной книжки» наклеенные там рыбы чешуйки и под лупой определял по ним возраст рыб. Я делал выборки из дневников и вел свои подсчеты.

Инна Алексеевна заканчивала последние приготовления к взятию мускуса у кабарги. В ближайшие дни все самцы в кабарожнике должны были подвергнуться этой нелегкой операции.

Когда на реке проходила моторка, а Василий сидел дома, Фрося не смела, как раньше, выбегать на берег. Она лишь напряженно прислушивалась и порой, словно по делу, выходила на крыльцо. И если мотор тонко гудел, пронося мимо кордона высокие пронзительные звуки, Фрося с трудом сдерживала свое волнение. Я тоже угадывал, что это поет подвесной мотор марки «Стрела». Дед Егор про него говорил:— Гудёт, сил нет, уши проело.— На глухой, с шипеньем стук мотора Фрося

не обращала внимания,— Степан не плавал с мотором марки «Москва».

По утрам на траве серебрился иней. Пара черных воронов, обитавших в таежной пади по ключу Сарыла, вывела и воспитала горластых детенышей. Вороны теперь все чаще с громким карканьем пролетали над кордоном, направляясь за добычей вдоль берегов реки.

Однажды Василий вернулся из тайги весь в крови. Щека у него была разорвана, глубокая царапина шла от уха до затылка. На спине за лопаткой кровоточила рваная рана. Одежда висела клочьями.

В ответ на наши вопросы он медленно, сквозь зубы, с трудом произнес:

— Гро-ми-ла...

И на несколько минут потерял сознание.

Когда он пришел в себя, то прежде всего спросил:

— Ночка пришла?

О Ночке никто из нас еще не вспомнил. Но собака с оборванным поводком лежала в своей конуре илизывала раны. Она тоже оказалась в крови, кожа на спине была содрана и висела лоскутом. Увидев меня, Ночка жалобно закулила. На этот раз медведь поранил ее довольно серьезно.

После перевязки Василий выпил стакан крепкого чаю и, лежа в постели, рассказал, что с ним произошло.

Он направлялся в кедрачи, лежащие в верховьях ключа Кандалак, ведя Ночку на поводке, или, как здесь говорят, «на стреме». Собака обычно ходила с левой стороны, но тут она почему-то стала тянуть вправо. Василий рассердился, ударил ее ногой. Ночка взвизгнула и перестала тянуть. Однако вела она себя странно, оцетинилась и шла настороженно, не издавая ни звука.

Зайдя в кедрач, Василий увидел под крупным вывертом дерева мертвого марала. Внезапно Ночка рванулась опять вправо, и в этот момент из-за выверта выскочил медведь.

Он с ревом поднялся на дыбы. Медведь был огромен. Василий понял, это — Громила.

Собака бросилась на зверя и своим

натянутым поводком, который еще был в руках хозяина, сильно толкнула Василия. Лесник выпустил поводок и едва успел вскинуть карабин. Но медведь выбил ружье из его рук, и оно с треском ударилось о дерево.

Что произошло дальше — объяснить было трудно. Василий помнит лишь, что оказался под медведем. Тот когтями царапнул его по голове, а второй лапой ухватил за спину. Лесник ощутил на своем лице горячее дыхание зверя. Он попытался вытащить из-за пояса нож, но медведь прижал его своей тяжестью.

Вдруг зверь резко повернулся и отпрянул от человека. Василий увидел, как в спину Громилы вцепилась Ночка. Она повисла на нем и тем отвлекла медведя.

Лесник успел вскочить на ноги. Он хотел схватить карабин, но дуло было изогнуто, а ложе расщеплено. Идти на медведя с ножом Василий не решался. Он попятился в чащу и, заливаясь кровью, побрел к дому.

Ночка продолжала свой поединок без хозяина.

— Коли не Ночка, каюк бы мне был,— угрюмо заключил он, — а я-то считал ее плохой медвежатницей. Убить даже хотел...

Раны у Василия как будто были не очень опасны, но ему требовалась срочная лечебная помощь. Следовало сделать и уколы от столбняка. Я взял лодку и поплыл за мотором к леснику Игнату.

Отправить Василия в больницу удалось на другое утро. На моторке его взялся сопровождать Юрий Юрьевич, которому надо было попасть в город.

— Запоперечила моя кривая, Антон Николаич, — пожаловался перед отъездом Василий,— теперь уж точно запоперечила. И ведь досада какая, с Громилой не справился! Не раз на медведя я хаживал, не одну берлогу брал. А тут опростоволосился. Простить не могу себе этого!

К лодке его провожала притихшая Фрося. Я стоял на берегу с Юрием Юрьевичем, и мы оба слышали, как Василий, остановившись, строго ей сказал:

— Ты смотри, не балуй! Не то плохо

будет. Попомни мое слово.

Он отвернулся от нее и, подойдя к нам, с нескрываемым раздражением заметил:

— Вот так... Из больницы да обратно в больницу. Пропади ты пропадом этот тринадцатый кордон!

В этот день в тайгу я не пошел, а к вечеру направился в сторону ключа Сарыла, где хотел понаблюдать за начавшимся пролетом водоплавающих птиц, которые обычно останавливались на кормежку здесь в тихих курьях.

Золотая осень была в полном разгаре. Лиственницы покрылись оранжевым нарядом, они казались сотканными из солнечных лучей. Противоположный берег был расцвечен яркими желтыми пятнами березок, вкрапленных в темно-зеленые стены хвойных пород. По реке плыли нанесенные ветерком опавшие березовые листья. Крупнотравье побурело, поляны на берегах приняли скучный однотонный оттенок.

Я шел, раздвигая сохнувшие на корню травы, которые обсыпали меня созревающими семенами, будто дождем. Стоило нечаянно дотронуться до стеблей, как семена с треском выскакивали из своих коробочек.

В раздумье я пробирался вдоль опушки леса, недалеко от берега реки.

Внезапно меня остановил приглушенный звук человеческих голосов.

Впереди, у впадения ключа в Ману, я увидел приткнувшуюся к берегу моторку и сидящих около ивовых кустов Фросю и Степана. Пикетчик обнимал Фросю и, целуя ее, что-то ласково говорил, а она отвечала ему счастливым радостным смехом.

Я отступил и, повернувшись, пошел обратно. Не доходя до кордона, я присел на комель сосны. Вечерело. Легкий, как тонкое покрывало, туман начинал стлаться над рекой. Низко пролетела стайка уток. Где-то на ближнем перекаат пенясь брызгами, тягостно стонал бурунчик, да вокруг топляка, застрявшего под яром, чуть слышно журчали струйки воды.

Вдруг из пади на том берегу раздался протяжный, с переливами, трубный

рев марала. Он был еще неуверенным, словно олень сдержанно пробовал силу своего голоса. Я слышал этот крик здесь впервые.

Стало опять тихо, совсем тихо.

И вот из глубины тайги, теперь уже с нашей заповедной стороны, прозвучал ответный призыв. Он донесся сюда, ослабленный расстоянием, но был еще более протяжным и мощным. Ревел, наверное, старый рогач.

Я с удивлением прислушивался к начавшейся переключке маралов. Казалось, в тайгу пришло что-то необычайное, новое, праздничное.

Через два дня вернулся Юрий Юрьевич. Он сказал, что Василия оставили на несколько дней в больнице.

Была середина сентября.

Еще за неделю до появления ходовой рыба стала скатываться сверху, как говорил Юрий Юрьевич, «руном». По вечерам мы с ним теперь иногда лучили, для чего на носу лодки устанавливали «козу», решетку с горящим смоляком, который, освещая достаточно прозрачную воду около берега, позволял остройгой накалывать тайменей и хариусов;

Плывущих бревен становилось все больше, вода мутнела, и рыба постепенно исчезала.

Приближалась ходовая.

Как-то во второй половине дня мы услышали на реке необычный шум. Глухой, пока еще отдаленный грохот тракторов слился с множеством человеческих голосов, стуком багров, топоров и еще какими-то нарастающими и пока не совсем ясными звуками.

— Ходовая!— обрадованно закричала Фрося, и все мы, бросив свои занятия, выскочили на берег. Сверху по реке, один за другим, шли крупные плоты. На всех плотях стояли новенькие тесовые дома. У первого на высоком шесте трепыхался красный флаг. Фрося объяснила, что здесь размещается сплавная контора. На втором плоту виднелись мачты с антеннами и проводами, тут были рация и движок.

По мере того как плоты медленно подходили к кордону, Фрося оживленно

рассказывала нам, что третий плот — это столовая, кухня и склады, на четвертом плоту находится красный уголок, а на других стоят жилые дома — общежития сплавщиков.

На плотях людей было немного. Рабочие, оказывается, двигались сейчас позади, на лодках. Они высаживались на берегах и баграми сталкивали застрявшие бревна. По берегам же вслед за плотами шли мощные гусеничные тракторы «С-100». Там, где были скалистые «непропуски» или стоял сплошной лес, трактора спускались в воду, без особого труда, переходя с одного берега на другой. Река к осени немного обмелела, но глубина ее во многих местах достигала еще полутора метров.

Трактора вытягивали топляки, разбивали завалы, сталкивали вмытые в прибрежный песок бревна.

Плоты, тесно подойдя один к другому, останавливались чуть ниже нашего кордона. Теперь на реке, белея домами из соснового теса, стоял целый поселок, и лишь на ее другой половине, вдоль берега, оставался проход для бревен. Сталкиваясь, налегая друг на друга, бревна густо плыли, похожие сейчас на скученный табун лошадей, которых загнали в воду: они заполнили собой ниже стоянки плотов весь фарватер реки, насколько он был виден глазу.

Фрося все еще стояла на берегу. Она кого-то разыскивала среди людей, взмахивающих баграми, и, наконец, обрадованно подняла руку. Я, находясь немного поодаль, взгляделся. Фросе тоже помахал кто-то рукой. Это был Степан. Они, уже не таясь, открыто приветствовали друг друга.

Чуть ли не до вечера работали сплавщики. Когда начало темнеть, застучал движок. На всех плотях засверкали огни. Заиграла радиоло. Мы все, жители кордона, перешли на плоты. После ужина здесь, на досчатом настиле, начались танцы.

Фрося, в новом светлом платье, с желтыми бусами на шее, танцевала со Степаном, который сменил свои резиновые сапоги с голенищами до пояса на модные остроносые туфли, а рабочий комбинезон

— на коричневый, хорошо сидевший на нем, однобортный костюм.

А у Фроси не сходила с лица счастливая улыбка. Такой, как сейчас, я ее еще не видел. Она казалась совсем юной, в ней было столько обаяния, что мне трудно было отвести от нее глаза.

Долго не утихал шум на реке. Наконец огней на плотях стало меньше, рабочие улеглись на отдых, но у нас на берегу еще горели костры, звучали песни, играл баян.

Только перед рассветом ненадолго улеглась тишина.

На заре, как всегда в эти дни, затрубили маралы. Они ревели и снизу, со стороны Сосновки, и сверху, от Синего камня, и в глубине заповедных лесов, и с другого берега, из орешной тайги лесхоза.

На заре пришла домой и Фрося. Войдя в спальню, она тихо, про себя, засмеялась, упала на постель и, наверное, не раздеваясь, уснула.

Ходовая спустилась вниз по реке...

А на другой день небо покрылось темными, низко идущими тучами, и тайга под ними беспокойно, тревожно зашумела. Она словно предчувствовала неладное.

Похолодало. Мана вздулась волнами с ослепительно белыми гребешками. Неожиданно повалил густой снег. Он быстро покрывал собой траву и листву деревьев, которые под непомерной тяжестью низко склонили свои ветви.

Снег шел день и почти всю ночь. Тайга стояла в сугробах. Ветер проносился по вершинам деревьев, сбивая шапки снега, и порой с глухим гулом валил наземь какого-нибудь одряхлевшего гиганта. На реке он срывал с волн беляки, визгливо свистел и плевался брызгами.

Небо просветлело только к полдню. Снег медленно таял. Не во время ворвавшаяся зима отступала неохотно.

Едва поутихла Мана, как приплыл дед Егор. Я с удивлением увидел идущего с ним Алешку.

— Примайте нового лесника,— торжественно проговорил Егор,— Алексей Соколов. Вместо Федьки-хлопуши, будь ему неладно!

Этого известия мы еще не знали. Оказывается, Федор Зайцев решил уволиться, он с семьей уезжал с Маны, и директор заповедника на его место, по рекомендации Елены Александровны, назначил Алешку.

— Федыку, должно, Громила выжил,— усмехнулся Егор, — хоша одно доброе дело энтой зверь сотворил. А ты, паря, городской али челдон?— оглядел он своего спутника,— сюда ведь нам непужливого надоть. Браконьеры одолевают, распустил их Федыка. Ты, паря, смотри теперь тут, лягушкина сила!

Алешка несмело улыбался. Он был одет в штормовку и молодецкато подтянут. В руках новый лесник сжимал Федоров карабин.

— Это здорово, что ты к нам попал! — воскликнул я,—только как тебе удалось уйти с Дивногорска?

— На Ману потянуло. Шибко просился — вот и отпустили.

— А профессию свою не жаль?

— Она от меня не уйдет. А тут еще новую приобрету. Не мог я там оставаться,—тихо добавил он,— душа ноет, сам знаешь.

Алешка приехал за подвесным мотором, который лежал у Василия без использования. И хотя у лесника было распоряжение директора, Фрося без мужа отдать мотор не решилась.

За обедом дед Егор рассказывал о своих лесных новостях. По первой пороше сегодня утром он заметил в своем обходе, недалеко от кордона, «следушки» соболя. Выпущенные в заповеднике несколько лет назад соболи успели поселиться и на лесхозовских землях.

— А ище сообщу я тебе, паря,— обратился он ко мне,— одну занятную историю. Вы нам — соболей, а мы, лесхоз, вам белок даем в обмен. Ходовая белка с нашей стороны к вам в заповедную тайгу двинулась. И-и, сколь ее пошло! И все потому, что ореха, у нас ныне маловато, да тут еще снежок раненько хлупнул. Она с перепуга первой порошок и мотырнула к вам. В заповеднике-то орех уродился рясный. Порошка густая была, а белке она нипочем. Аж через реку табором шла,

анадысь дивно ее плыло, вон и вьюноша новый видел,— кивнул Егор на Алешку.

— Ну, спасибо, дочка, за хлеб-соль,— отодвинул он миску,— насытились, теперь можно и обратно поспешать. Дак вот я говорю,— продолжал старик,— хвостик белочка на спинку кладет, а какая его случаем замочит, зараз утопнет. Она, белка-то, поди, и посеичас к вам переселяется. Ныне вы богаты ею будете куда там! Ище кто и белковать рискнет в заповеднике.

Егор замолчал было, но, что-то вспомнив, с хитринкою в глазах добавил:

— Когда ходовая белка с одной тайги в другую шла, старые люди ране говорили: «Один лесной другому лесному свои богатства проигрывает». Помню, год был, с кемчугской тайги, какая на Оби лежит, в нашу енисейскую тайгу ходовая белка шибко шла. Пластала и поверхам деревьев, и по земле, апосля Енисей переплывала. Значит, кемчугский лесной енисейскому лесному белку проиграл. Только, паря, ненадолго. Поорешничала в наших лесах белка, а к зиме, глядь, в свои края двинулась. Кемчугский лесной, беспременно, отыграл ее обратно.

Он добродушно рассмеялся.

— Вот ведь какая чуда в тайге бывает! Лесовики промеж себя игру ведут. А теперь, глянь, ваш заповеднический лесной у нашего лесхозовского белку выиграл. Пофартило ему!

Вечером Егор и Алешка уехали обратно. Я был рад за Алешку, сейчас он выглядел бодрым, если не сказать — веселым. Его, очевидно, заинтересовала новая работа, которую ему здесь доверили.

Снова установились погожие осенние дни. Фрося начала убирать на своем огороде картофель. Вернувшись рано из тайги, стал помогать ей и я.

Фрося была по-прежнему в хорошем настроении. Она, наверное, со дня на день ожидала расчета Степана и собиралась в отъезд с ним.

— Долго вы у нас еще пробудете?— спросила она, набирая в ведро картошки.

— Я уж совсем здесь у вас прижился. Еще и зиму надо пробить. Для зоолога зимой в тайге работы больше, чем

летом. В звериных следах буду разбираться. Следы на-снегу все расскажут. Если не выгоните, еще поживу.

— Ну! Мы вас не выгоним,— засмеялась она,— вы, Антон Николаич, человек баской. Зря я на вас обижалась. Только, может случиться, поране вас я отсель уеду.

— Куда же вы, Фрося, уедете? — я сделал вид, что ни о чем не догадываюсь,— в город?

— Пошто в город? Чего я там не видела. А куда — и сама еще не знаю. Только так, по-старому, жить не хочу я.

В небе закурлыкали журавли. Мы подняли головы, наблюдая за косяком птиц.

Журавли, заметив извилистую ленту Маны, сбили свой строй и сделали круг над рекой. Потом, наверное, раздумав опускаться, снова вытянулись треугольником и, продолжая призывно кричать, полете ли дальше на юг.

— Вот и журыньки тронулись,— улыбаясь, задумчиво проговорила Фрося.

Она смотрела на улетающих птиц с каким-то просветленным лицом. Я знал, что, провожая их взглядом, Фрося сейчас мысленно намечала и свои, еще неизвестные ей пути...

А через день вернулся из больницы Василий.

Когда я пришел из тайги, то увидел, что лесник, не раздеваясь, в сапогах, храпит у себя на постели. В комнате пахло водкой.

Инна Алексеевна, испуганно расширив глаза, шепотом сказала мне, что Василий приехал пьяным,— его, кажется, напоили в Сосновке,— и, увидев Фросю, бросился ее бить.

— Так ты мужнину честь бережешь?! — кричал он,— со Степкой перед народом плясала! По всей Мане слух о тебе прошел...

— Ну, конечно, обзывал он ее по всякому,— смущаясь, добавила Инна Алексеевна,— слушать было стыдно! А бедная Фрося в стайку, на сеновал забила. Ревет, сердешная, уговоров не слушает. Боже мой, это какой-то ужас!

Во дворе, около дремлющей на солнце Ночки, сидела Надюшка. Она

диковато посмотрела на меня заплаканными глазами, а когда я подошел к ней, внезапно убежала в огород и спряталась в бурьян за баней.

Я поднялся на сеновал. Фрося в разорванной кофте, с кровоподтеком на обнаженном

33

плече лежала, уткнувшись в сено, и громко всхлипывала.

Она оглянулась на меня. На ее лице под глазом виднелся темно-лиловый синяк. Волосы Фроси были спутаны, на щеках протянулись полосы от слез.

— Уй-ду! — вырвалось у нее,— теперь беспременно уйду!

Она упала головой на сено и громко зарыдала.

Я попытался ее успокоить, что-то долго говорил, и она постепенно затихла.

Василий проспал до утра, а рано утром ушел в тайгу. Вернулся он поздно вечером. Увидев меня, угрюмо поздоровался и ни о чем говорить не стал.

Фрося весь день была хмурая и вечером, не глядя на мужа, молча поставила ему на стол ужин, потом, забрав Надюшку, ушла спать в кладовку.

И опять, казалось, все пошло обычным чередом. Каждый из нас занимался своим делом, проводя в работе день за днем. За этими повседневными хлопотами, может быть, мы недостаточно обращали внимания на отношения, которые сложились теперь между Фросей и Василием. Да и как мы могли вмешиваться в них?

Я ждал, что Фрося вот-вот уедет, но Степан не появлялся. Впрочем, может быть, она с ним продолжала встречаться в тайге, только какие-то причины задерживали намеченный ими тайный отъезд.

РАЗВЯЗКА

После ходовой пикетчики получили расчет и покинули свои пикеты. Кто взял отпуск, кто уволился, а другие ушли рубить лес. Степан куда-то исчез. Знала ли Фрося,

где он? Я только видел, что ждала она его с нетерпением. Но лодка с мотором «Стрела» проходила теперь мимо кордона, и в ней оказывался кто-то другой, а не Степан.

Алешка сделал на борту своей лодки надпись белой краской «Аурика».

И вот пришло время встретиться Алешке с браконьерами, да и еще преследовать их на своей моторке. Как все это произошло, он рассказал на другое утро после облавы, приехав к нам на кордон.

В конце дня Алешка заметил, что вниз по реке, мимо кордона «Маслянка», прошла моторка со свежей надписью на борту «Неуловимая». Он узнал сидевших на ней трех бывших пикетчиков, которые теперь на пикете уже не жили. Среди них был и Степан.

Надпись на лодке казалась вызовом. Алешка не замедлил, конечно, выехать вслед за «Неуловимой», но когда он нагнал ее около Синего Камня, то на лодке увидел лишь одного человека, остальные исчезли.

Пикетчик насмешливо взглянул на него и повернул лодку обратно.

Алешка, захав в курью, укрыл свою лодку в осоке и поспешил к тайным солонцам, где думал захватить браконьеров.

По пути он услышал как за Синим Камнем заревел марал, а через некоторое время ему откликнулся другой.

Лесник покачал головой: «Вот непутевые, уж молчали бы, когда враги рядом».

На браконьерском солонце никого не оказалось. Алешка зря потерял часа два. Уже вечерело.

Он вернулся к реке и здесь заметил, что у берега стоит лодка пикетчиков. Трое браконьеров грузили убитого марала.

У Степана на шее висел самодельный берестяной рожок — труба, которой охотники, подражая реву, приманивают маралов.

Тут Алешка понял, что, услышав марала за Синим Камнем, он ошибся: первым трубил Степан, а зверь ему лишь ответил. И зверь поплатился за это своей жизнью.

— Стой! — закричал лесник, однако было уже поздно: мотор застучал, и лодка

браконьеров рванулась вверх по реке.

Алешка бросился к своей лодке, но, пока он ее вывел из осоки и завел мотор, беглецы скрылись за поворотом.

Алешка пытался выжать из лодки все, что было можно. Он дерзко срезал углы на

реке, проскакивая у берега чуть ли не в притирку, а бурливую шиверу, что брызгалась водопадиками, прошел не в обход, как обычно, а наискосок, рискуя на камнях разбить свою лодку.

«Аурика» мчалась безотказно. Наконец, впереди завиднелась «Неуловимая». Пикетчики, оборачиваясь, показывали Алешке кулаки и выкрикивали ругательства.

Лесник, понимая, что сблизиться с ними теперь будет трудно, прицелился и выстрелил из карабина. Пуля пробила нижнюю обшивку лодки, и та, видимо, дала течь. Браконьеры всполошились, стали черпать воду и затыкать пробойну.

Но, отвлекшись выстрелом, Алешка не заметил, как его лодка прошла по мелководу. Мотор внезапно заглох, сорвало шпонку.

Алешка выругался, но делать было нечего, приходилось заняться ремонтом.

Темнело, когда он продолжил погоню. След «Неуловимой» затерялся. Алешка проскочил на лодке до Берети, который сверкал ночными огнями, но браконьеры исчезли.

Василий, прослушав рассказ Алешки, возбужденно заходил по комнате.

— Эх, жалко, не утопил ты их! Тебе бы еще разок бацнуть. Еще бы разок!

— Не успел я... — виновато отозвался Алешка.

— Теперь, Алеха, берегись! — предупредил Василий, — всякие пакости они тебе будут творить. Браконьеры — сволочный народ!

Фрося возилась с пчелами и вошла в дом, когда Алешка собрался уезжать.

Василий выразительно посмотрел на нее, но ничего не сказал. Но Фрося, наверное, догадалась, что речь шла о Степане.

Едва Василий и Алешка вышли, она,

волнуясь, спросила меня:

— Что там еще? Али со Степаном что приключилось?

— Алешка его чуть не задержал. Марала тот убил. У Синего Камня.

— Не может быть!— воскликнула Фрося,— не он это! Степан болен. Да и обещал он мне...

— Алешка врать не будет.

Она подошла к окну и молча прислонилась к раме.

В этот день попутчик привез Василию письмо из управления. Лесник по своей просьбе, переводился в наиболее отдаленный обход заповедника, куда должен был прибыть через две недели. Его обход временно передавался Алексею Соколову.

— Ну, Фроська,— прочитав приказ, с мрачной решимостью сказал Василий,— собирай пожитки. Теперь в такой угол затулится, что...

И, не договорив, с досадою макнул рукой, вышел, хлопнув дверью. Ему самому не хотелось туда ехать. Но я был уверен, он решил наказать Фросю. А может быть, и себя...

Маралы кричали иногда всю ночь напролет. В такие «ходовые» ночи, говорили охотники, зверь хорошо идет на солонец: погода ясная, животные легко ощущают малейшее движение воздуха и чувствуют себя смелее. В мертвую, душную или пасмурную ночь, когда и воздух как будто плотнее, и ветерок не шевелится, они становятся осторожнее: им трудно бывает разгадать опасность, хищники могут незаметно подкрасться к своим жертвам.

Заморозки крепили, на травы все чаще ложился седой иней. На юг пролетали гуси, по ночам слышались их будоражные крики в курьях, где они опускались на короткую кормежку.

Туманы еще плотнее обнимали Ману, и темная стена тайги над побелевшей рекой казалась ненастоящей, будто вырезанной из картона.

Тайга казалась мрачной, настоженной. Василий тогда угрюмо говорил: «Ишь нахохлилась...»

Он передавал свой обход Алешке.

Василий, как старожил, назидательно говорил ему, на что надо здесь обратить особое внимание, где были опасные браконьерские места, где какие держались звери, Алешка внимательно слушал, и, я видел, он гордился тем, что ему доверяют лесные богатства.

Фрося стала неузнаваемой. Она даже потемнела лицом. Степан не показывался, а до отъезда оставались считанные дни. Василию она сказала, что поедет дня на три пожить у отца, но он ее не пустил.

— Наперво по хозяйству приберись, уложь все, проститься и апосля успеешь.

Вся ее надежда, видимо, была на эту последнюю поездку к отцу.

Я недоумевал, что произошло со Степаном. Алешка сказал, что тот живет у себя дома, в Берети, однако на реке после случая с маралом его больше не видели.

Неожиданно я получил письмо от директора заповедника, где он предлагал мне проверить факты, изложенные в анонимке. В ней новый лесник Алексей Соколов обвинялся в сговоре с браконьерами в заготовке вместе с ними марального мяса. Директор поручал мне побывать в его обходе и в поселке Береть, выяснить, на чем основаны слухи. Здесь же была приложена и сама анонимка, написанная прямым почерком, без обычного наклона букв вправо. Судя по почтовому штампу на конверте, она была отправлена из Берети.

Алешка работал в заповеднике какой-то месяц, а на него уже началась атака. Я не сомневался, что анонимку послали сами браконьеры. Им надо было скомпрометировать лесника, который взялся за борьбу с нарушителями. С моим мнением согласился и Василий.

Алешка, конечно, анонимкой расстроился. Я сказал, что надо быть ко всему готовым, браконьеры будут действовать не только оружием, но и клеветой. И хотя я был уверен в непричастности Алешки, для формальности мне предстояло побывать и в его обходе, и в Берети.

Перед нашим отъездом ко мне подошла Фрося.

Волнуясь, оглядываясь, она несмело

попросила:

— Антон Николаич... только вам могу довериться... помогите мне! В Берети найдете Степана, отдадите мое письмо. Только беспрерывно лично, в руки. Пущай ответ с вами даст. Прошу вас! Обязательно ответ привезите.

Лицо ее было охвачено тревогой и надеждой.

— Хорошо, Фрося, я все сделаю.

Мы отплыли, а она долго смотрела нам вслед.

Я побывал в рабочей столовой, где мне сказали, что маралье мясо они не принимали; от участкового милиционера я тоже ничего не добился, да и вообще выяснять что-либо о браконьерах в поселке было делом безнадежным. Но совсем неожиданно мне «пофартило».

Я направился к Степану, чтобы передать ему письмо Фроси.

У самого берега стоял новый рубленый домик с палисадником, заполненным, как и всюду в поселке, кустами малины. Хозяин во дворе развешивал сети. Они еще были сырыми, наверное, недавно выбраны из воды.

Мой приход его удивил. Сперва Степан нахмурился, но, когда я передал ему письмо, сказав, что буду ждать ответа, он усмехнулся и пригласил меня зайти в дом.

Я отказался и присел на скамейку, стоявшую на улице перед палисадником.

Минут через десять он вернулся из дома с запечатанным конвертом.

— Когда уезжают? — спросил Степан, и в голосе его я не уловил ни малейшего беспокойства.

— На этой неделе.

— Ага. Ну, я тут все написал,— также невозмутимо, буднично добавил он,— приехать не могу, однако. Дела...

Признаться, я мог ожидать от Степана любой выходки, только не этого равнодушия. Вот как все обернулось для Фроси — «дела»...

Я мельком взглянул на его помятое, преждевременно изношенное, но самодовольное лицо и, отвернувшись, поспешил уйти.

Навстречу мне с речки устало шла с

корзиной сырого белья, худая некрасивая женщина. Позади ее, толкаясь, со смехом бежали двое веснушчатых рыжеголовых мальчишек. Она беспокойно посмотрела на меня, потом на Степана, который все еще стоял у своего палисадника. Оглянувшись, я увидел, как женщина подошла к нему и, поставив корзину на скамью, стала его расспрашивать.

Да, конечно... Не стоило Фросе встречаться со Степаном. Но это ясно пока было лишь мне. Перед Фросей еще лежала тревожная неизвестность. Ее судьба скрыта в этом конверте...

Я вынул его из кармана. На конверте были написаны фамилия, имя, отчество Фроси.

Почерк мне показался знакомым — но где я мог его видеть? Где? Вспомнил! Я достал анонимку, высланную для расследования. Сомнений не было. То же самое написание букв, тот же прямой почерк, те же яркие лиловые чернила...

Автор анонимки теперь известен. Однако, как я могу приложить к своему заключению этот конверт, который хранит тайну Фроси? Ничего не могу пока сказать и Алешке, посвятить его в переписку Фроси я не имел права.

Он ожидал меня на берегу. На его молчаливый вопрос я лишь пожал плечами.

На обратном пути мы заехали в Маслянку, взяли мясо, шкуру и череп медведя. Подъехав к Кандалаку, Алешка прикрыл череп штормовкой и с лукавым видом понес его на кордон.

Василий и Фрося были дома.

— Дядя Василий, вам тут посылочка пришла, — притворно-скупным голосом проговорил он.

— А-а, прибыли? Откуда еще посылочка?

Алешка сбросил штормовку. Василий с недоумением смотрел на медвежий череп.

— Это же Громила! — не выдержав, выпалил Алешка, — не верите глазам, так пощупайте, Громила!

— Да ты что?! Неужели Громила?!

— Убили, с Антон Николаичем!

Василий схватил Алешку за плечи и радостно закружил вокруг себя, потом

поднял череп, с изумлением пристально посмотрел на него, одобрительно крикнул и с озорством повалил Алешку на пол.

Я давно не видел Василия в таком веселом оживлении. Даже Фрося, глядя на мужа, не сумела сдержать улыбки. Но она затаенно переводила взгляд на меня, с нетерпением ожидая минуты, когда я смогу передать ей ответ Степана.

Эх, Фрося, лучше бы я не привозил этого письма. Не трудно было догадаться по словам и поведению Степана, что ничего хорошего ответ не сулил.

Наконец Василий с Алешкой направились к лодке за мясом.

Едва дверь закрылась, Фрося метнулась ко мне.

— Что, Антон Николаич? Видели его?

Я молча подал ей письмо.

Дрожащими руками она разорвала конверт и, поднеся бумагу близко к глазам, шевеля губами, стала читать.

С каждым мгновением лицо ее бледнело. Внезапно она издала какой-то жалкий вопль и быстро опустилась, точнее, упала на скамью.

Уронив голову на стол, Фрося громко зарыдала.

На полу лежала записка Степана.

Я поднял ее и, мельком заглянув, положил на стол. Вот что я прочел: «Фрося, уехать с тобой не могу я. Прощай. Степан».

— Уберите письмо, Фрося,— предупредил я, увидя в окно, что возвращается Василий.

— Мне все равно! — закричала она,— теперь уже все равно!

Лицо ее было залито слезами.

Я хотел выйти, но в дверях столкнулся с Василием. Он нес в руках медвежий окорок.

— Глянь, Фроська,— ... начал было Василий и осекся, — ты что?

Али...

Он заметил лежащую записку. Опустив мясо на пол, Василий подошел к столу и, хмурясь, развернул бумагу.

— Та-ак... — медленно проговорил он, опускаясь на стул,— уважила, значит, спасибо...

Фрося, уткнув лицо в передник,

плакала, сморкаясь и всхлипывая. Я вышел из комнаты.

— Собирайся немедленно!— послышался пронзительный крик Василия,— собирайся...

За этим последовала короткая нецензурная брань.

Потом все стихло.

Я стоял на крыльце, думая, что, может быть, придется бежать на помощь Фросе, если Василий поднимет на нее руку.

Но прошла минута, другая, и лесник, распахнув дверь, тяжело дыша, вывалился из дома.

Покачиваясь, словно пьяный, он сошел с крыльца и, увидев идущего с берега Алешку, сказал с расстановкой, чужим хриплым голосом:

— Будь другом... Езжай к Егору. Пушай завтра же на моторке нас сплавит. Вниз. Понимаешь? Совсем. Все теперь, однако. Шабаш. Дня одного тут не буду! Понял?

— Понял, дядя Василий,— растерянно ответил Алешка,— так ведь и я помогу, вниз с вами поеду!

— Ладно. Скажи Егору — уезжают они. А Фроську пушай не ждут. Здесь простятся. Теперь я ей шагу не дам...

Он подошел к рукомойнику, висевшему внизу у крыльца и, расстегнув ворот рубахи, подставил затылок под струю воды.

За ночь похолодало. На реке к утру впервые появились ледяные забереги. Сверху по Мане дул холодный пронизывающий ветер. Последние стаи уток перед отлетом разноголосого гомонили в курье, часть которой уже покрылась коромысом. Под кривой сосной у бани жалобно и уныло квоктал зазябший бурундучок — «кво-к, кво-к»...

Лиственница, стоявшая на берегу, густо, как дождем, осыпала свою яркую хвою в воду. Тайга на опушке оголилась, стала прозрачной, а пихтачи за кабарожником потемнели, угрюмо насторожились.

Я стоял на берегу у причала лодок. В доме пили медовуху, которую привез дед Егор, ели жареную медвежатину, шумно говорили, вспоминали, давали напутствия.

Фрося, молчаливая, выплакавшая за ночь все свои слезы, привычно подавала на стол. Василий, слегка захмелев, яростно обругал Ману, словно уличную девку, сказав, что пусть тесть не обижается, только сюда, на эту проклятую реку, его больше никто не заманит.

Он подмигнул Алешке, заметив, что тот парень молодой, фартовый, потому ему опасаться Маны нечего, но, если сказать по совести, то лучше и Алешке здесь долго не задерживаться.

Дед Егор, обтирая после очередной чарки губы, насмешливо сузил глаза и медлительно проговорил:

— Ману тож понимать, Василий, надоть. Она, будто строптива баба, с норовом. Ты заметь, какая у ей жизнь: по весне в снеговую воду река вздыбится, аж лед заносит на займище, апосля коренная пластает до самых яров, молевой лес по себе гонит. А белогорья растают, и Мана ослабнет, перекааты начнет казать. Вишь, что деется, лягушкина сила! Мана то буйная, то смиренная, не сразу ее и разгадаешь. Бывает, и зима ее никак не одолеет, река индо до самого Николы пораспорухается. Шуга плывет, сало идет, а ледостава нет и нет. Вот ведь какая наша Мана! А ты, Василий, не понял Ману. Чужой ей был...

Юрий Юрьевич, у которого от прощальной медовухи кружилась, наверное, голова, после слов старика поднял высоко свою кружку и торжественно провозгласил:

— За Ману, таежную красавицу! Чтобы наплодила она нам вдосталь всяких рыб, больших и малых. И чтобы сняли с нее эти самые препоны...

Но тут обычное красноречие ему изменило, то ли всерьез взгрустнулось, то ли он запутался, только досадливо махнул рукой и, не закончив фразы, залпом опорожнил кружку.

Я любил смотреть на плавное течение реки, оно обычно помогало мне сосредоточиться. Сейчас река была чиста, прозрачна, камешки просматривались до дна, а серебристые стайки пескарей неторопливо шли вдоль берега, словно совершали деловой обход. Забытый сплав-

щиками «некланяющийся» топляк напротив самого кордона стал виден в реке только после ходовой, теперь его ворчливо обегали струйки воды.

Вот и кончилась Фросина любовь...— с грустью думал я,— недолгим было ее счастье. А может быть, счастье долгим не бывает? И то, что пролетело в жизни Фроси, как яркий сон, может быть, хоть сколько-то скрасит все остальные безрадостные ее дни? Но выдержит ли она там, в глуши, совсем одна? Ведь Василий теперь к ней, наверное, будет особенно жесток...

А так ли я думаю о Василии? — пришла вдруг мысль,— ведь он не оттолкнул ее, не выгнал за измену, как сделал бы, возможно, кто-то другой. Значит, Фрося ему в жизни нужна; значит, он по-своему ее любит? И увезет он жену в непроходимую глушь, может быть, как раз, чтобы там суметь сохранить ее для своей суровой любви? После всего пережитого, после того, как Фрося во всем разуверилась, не поймут ли лучше они друг друга! Кто знает?

Алешка позвал меня на кордон. Напоследок полагалось всем вместе выпить еще по одной чарке медовухи.

— Гуляй, паря, к столу,— сказал мне дед Егор,— выпьем еще по стакашке, да и пора оболакатся в путь-дорогу...

— За наших хозяев!— поднял я кружку,— пожелаем, чтобы жили они на новом месте в дружбе и согласии. И пусть вспоминают все хорошее, что было здесь, на этом кордоне. А хорошее было. Как и у каждого из нас. Без хорошего в жизни не бывает.

Фрося задумчиво посмотрела на меня и впервые выпила давно налитую кружку.

— Не поминайте лихом, Антон Николаич! — пристально посмотрев на меня, с грустью произнесла Фрося,— а добром когда, может, и вспомните. Поживете здесь один, походите один, да когда и вспомните нас...

Сквозь внезапно набежавшие слезы она вдруг улыбнулась своей милой застенчивой улыбкой и порывисто отвернулась.

Эх, Фрося, Фрося... Сейчас я вновь остро, до боли, почувствовал, как с ее отъездом уходит от меня навсегда что-то незабываемо хорошее, неповторимое...

Моторки отплыли, а Фрося все еще стояла в лодке и, прижав платок к лицу, прощалась с кордоном, с тайгой, с берегами, где прошли и печальные, и небывало радостные дни ее жизни...